

О ВОСПИТАНИИ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Владимир Васильевич Морозов,
*член правления Международной Макаренковской
ассоциации, почётный работник общего образования РФ*

Счастье — это со-участие в добрых человеческих делах. Мера поступка всегда определялась по справедливости. Поступил справедливо, тогда и совесть спокойна. Жизненные этические ситуации складываются или создаются в реальной деятельности детей вместе со взрослыми. Опыт собственного поведения подтверждает факт того, что поведение человека есть самая решающая вещь в воспитании, будь это взрослый или подросток. Когда человек понимает, что поступил неправильно, раскаивается и переживает чувство стыда, душевное смятение, внутренний дискомфорт. Это и есть результат воспитательного действия.

- свободное воспитание • событие • материальное благополучие
- преступления против детства • дети беды • любовь • дисциплина

Свободное воспитание и педагогика Макаренко

Так сложилось, что на протяжении многих лет в педагогике негласно существовали противоположные научные парадигмы, представляющие смыслообразующий контекст воспитания. С одной стороны, это сторонники возрождения лучших и значимых педагогических традиций «свободного воспитания», где главное — это гуманизм, свобода, любовь, демократия, саморазвитие, поддержка, сотрудничество... С другой стороны, представители, принимающие те же ценности, но в другом контексте: сторонники развития макаренковской педагогики во времени, «которая нужна прежде всего... практическим работникам», педагогика, которая ориентирована в воспитании на программу

человеческой личности, педагогика дисциплины и свободы, уважения и требования, солидарности и ответственности, педагогика жизнеспособного со-бытия детей и взрослых, педагогика труда и заботы, педагогика с перспективой, способная «опережать общество в его человеческом творчестве»¹.

Сегодня редко приходится слышать слова в позитиве о советском прошлом. У каждого человека своё собственное восприятие времени, в котором он жил, и оценки событий, которые происходили ежедневно. Человек созидатель, творец, деятель трудом создавал материальное благополучие страны даже тогда, когда роль

¹ Макаренко А.С. С любовью и тревогой. — Киев, 1989.

человека низводилась до уровня винтика в государственной машине. Удивительное дело: не потерялись здравомыслие, чувство человеческого достоинства в человеке, потому что сохранились «душа», «духовность», «дух» в народе, отеческие традиции, педагогические приоритеты народности. Труд жизни начинается с труда души — с любви, и уж потом труд рук и ума. Вот и Симон Соловейчик в своём педагогическом творчестве делает ставку на любовь: «ЛЮБИ, УМЕЙ ЛЮБИТЬ». Его интересует мир детства, где мудрая и вечная любовь сама находит в себе и силы, и опыт для решения сложных проблем. Тяжёлое детство без любви, без радости делает человека на всю жизнь нравственным калекой. Порой человек даже очень сильной воли не способен избавиться от последствий «несчастливого детства». Вот почему Симон Львович всю жизнь искал чудодейственное педагогическое средство от детского горя и неустанно твердил: «Главное — это любовь и желание сделать детей счастливыми». И в своём манифесте «Человек свободный»² дал краткие, исчерпывающие ответы на вопросы: «Что является высшей ценностью образования?» — «Свобода». «Кого следует воспитывать?» — «Человека свободного». Его педагогика — поиски и раздумья, рекомендации и установки на новые подходы к воспитанию. Педагогическая проблематика становится литературным хобби. Это способствует продвижению педагогических знаний в обстановке непринуждённости и сотрудничества по самым актуальным запросам времени. Обсуждая манифест С. Соловейчика «Человек свободный», Олег Газман уделяет особое внимание проблеме человеческой свободы как ценности образования: «Современное гуманистическое представление о человеке предполагает рассмотрение его и как существа природного (биологического), и как социального (культурного), и как экзистенциального (независимого, самосущего, свободного). Ключевой характеристикой этого третьего измерения является свободоспособность — независимо строить судьбу, отношения с миром, реализовывать собственное жизненное предназначение, выбор.

² Соловейчик С.Л. Человек свободный. Педагогический манифест / Первое сентября 01.09.1994.

Такая постановка вопроса принципиально важна для педагогики вообще, для гуманистической (антропоцентричной, детоцентричной) в частности...»

Преступления против детства — омерзительное явление в силу своей противоестественности: в действительности оно должно быть защищено главным опекуном страны — государством. Однако мы столкнулись с формальным, показушным гуманизмом и гуманизацией по сути проводимых реформ. О подлинных масштабах детского бедствия можно судить по материалам средств печати и иных коммуникативных источников конца девяностых и начала двухтысячных лет. Кто-то скажет о детях-беспризорниках: «Человеческий мусор, и когда его много, это не просто беда — это конец». И вновь появился призыв: «Все на помощь детям!», но не от лица государства а из уст волонтеров к неравнодушным людям. Кому были нужны высокопарные рассуждения о премудростях педагогической науки, когда корчатся на холодном ветру наши дети? «Детоведческая» наука оказалась несостоятельной по отношению к детям-бедам с точки зрения подлинной гуманности. Ключевой элемент «нового педагогического мышления» не сработал. Голос «педагогики сотрудничества» в поддержку волонтерского движения так и не был услышан. Как-то на заседании телевизионного круглого стола по теме: «Пусть наша доброта не минует их» высказал точку зрения на ситуацию «трудного детства» представитель МВД: «Некогда воспитывать, успеваем только карать». На эту реплику отреагировал народный учитель А.А. Католиков: «Разве виноват ребёнок, что он брошенный? К нам в детдом уже трёхлетки поступают «комочками зла», которые трудно оттаивают. Уже нет у ребёнка веры в справедливость. Он живёт в мире, где есть только обиды и обвинения... Подумать только! За что? За то, что никто не растил, не воспитывал — ни в школе, ни в семье, ни в детдоме...»

Обречённые и вновь одичавшие унижением и малодушием взрослых новые дети-беда.

А.С.Макаренко назовёт подобную ситуацию ёмко и справедливо: «концентрированное детское горе». И, действительно, в этой концентрации будет всё: губительное, омерзительное, скверное, пошрое...

До 1984 года государство сокращало количество детских домов. В 90-е «лихие» их стало не хватать. Стали спешно открываться приюты, ночлежки, реабилитационные центры, спецшколы для девиантных детей, расширилась сеть зарубежного усыновления.

Торговля детьми станет привлекательным бизнесом. Особенно преуспеют здесь медицинские работники, действовавшие нагло, цинично, без оглядки на закон, не боясь ответственности. Суть преступления: производство препарата, получаемых из эмбрионов человека, помогающий при болезни Дауна, излечивает импотенцию, оказывает омолаживающее воздействие на стареющих дам. Женщины за деньги прерывали беременность на 5-м, 6-м и даже 7-м месяцах, когда плод уже развивался и дышал. В получении необходимых материалов проблем не было.

Преступления против детей приобретают всё более изощрённый садистский характер. Информационные источники сообщают: «На Сахалине трое подонков украли пятилетнего мальчика, вывезли его на мотоцикле за город, поселили в шалаше и две недели насиловали. Потом вскрыли ему вены, пили кровь и наконец задушили». «В детскую больницу имени Филатова был доставлен шестилетний мальчик с тяжёлыми ранениями. Медики установили, что его кто-то ударил кухонным ножом. Вычислить преступника не составило большого труда. В своей квартире по подозрению в истязании ребёнка был задержан его отец, инспектор следственного изолятора». «Преступления против детей вызывают жестокую, но адекватную ответную реакцию. Наиболее ярко и страшно её характеризует случай в Иркутске. Девятилетний мальчик убил молотком собственную мать, когда та крепко спала. Убил умышленно, заранее продумав все детали. Выяснилось, что мать вместе с отчимом буквально истязали ребёнка. В качестве наказания подолгу не давали еды. Могли привязать к кровати и уйти из дома на целый день. Мальчик на жестокость ответил жестокостью».

Надолго в памяти сохранился жуткий случай,

который не даёт покоя сердцу. Девочку лет пяти мать привела в чистое поле и оставила. На улице стоял март, а девочка только в ситцевой рубашонке. К вечеру добралась она до ближайшей деревни. Обошла все дома с протянутой ручкой, надеясь на помощь и доброту людей. В последнем доме от неё тоже отмахнулись. Вечерело. Морозило. Она пристроилась у поленицы дров, укрывшись половой тряпкой, и тихо плакала. Помочь ей было некому. Утром хозяйка дома вышла во двор и остолбенела, увидев замёрзшего ребёнка с льдинками слёз на лице. Женщину разбил инфаркт. Деревня от стыда почернела. Всеобщая безнравственность и равнодушие. Опомившись от случившегося, приняли на себя все хлопоты похорон этого безвинного существа.

Как жить в любви, если её нет...

Как жить в любви, если её нет. Куда пропадает то чистое и светлое, что делает нас людьми? «Уметь любить» есть нечто важное в образовании, в человеческих отношениях. Потому и напоминает С.Л. Соловейчик осмыслить эту категорию в педагогике. «Уметь любить» не всем даётся в равной степени проявления. Любовь — чувство индивидуальное, личностное и произрастает из самых глубин души, воспитывается, передаётся из рук в руки... Учить любить — нравственная категория, этическая по своей исключительности непримиримости к злу. Поэтому учить умению любить есть дидактика педагогики воспитания, очеловечивание человека..., фактически — любовь в действии. «Мы должны уметь любить, знать, как можно любить, — говорил А.С. Макаренко, — мы должны к любви подходить как сознательные, здравомыслящие, отвечающие за себя люди, и тогда не может быть любовных драм... Мы должны учиться, как нужно любить». И не случайно профессор Ю.А. Шрейдер предупреждает: «Следует понять, как человеку остаться человеком в духовном

смысле этого слова, человеком не только разумным, но и сознающим, то есть совестливым. Разум в той или иной мере присущ и животным, совесть и сознание присущи только человеку. Самая страшная из грозящих нам катастроф... антропологическая — уничтожение человеческого в человеке»³.

В постсоветское время приоритетными ценностями образования становятся новые установки на его развитие: «педагогика свободы и любви»; «свободное развитие»; «самоопределение»; «педагогическая поддержка»; «личностно ориентированное образование»; «педагогические инновации». Предвестником этого стало повсеместное разоблачение культа личности и промахи сложившейся административно-командной системы застойных лет. Симон Соловейчик пишет об этом так: «Система держалась на терроре, который непосредственно касался не всех. А для полной перековки каждого без исключения человека нужна была ещё и огромная система поголовного перевоспитания...» По прогнозам Симона Львовича, это «принудительная коллективизация всего и всех». Здесь требуется справка. Понятие «перековка» действительно использует А.С. Макаренко взамен идеологемы «перевоспитание» как выправление характера. В этом смысле он различал развитие как обыкновенный рост, который необходимо учитывать, но и развитие как искусственный, взрывной процесс, специально организуемый в педагогических целях. Понятие «коллектив» тоже идеологема советской власти, и это осознавал Макаренко. Он начал использовать это понятие только после 1924 года, внося в него собственный смысл. Вот как пишет об этом С. Соловейчик «В самом деле, при слове «коллектив» первая ассоциация — А.С. Макаренко. Возьмите любой авторитетный словарь и найдёте следующее: Макаренко разработал теорию и методику коммунистического воспитания в коллективе». Надо отдать должное Симону Львовичу он не поддался соблазну бросить камень обвинений по адресу Макаренко, как это сделали другие, а встал на сторону его защиты. Из статьи «История воспитательной

катастрофы» читаем: «В маленьком мире, созданном творческой волей Макаренко, свободное развитие каждого подростка действительно было залогом свободного развития всех. Макаренко был для воспитанников символом свободы: иных привозили в колонию из тюрьмы, сдавали из-под нагана, в колонии ни решёток, ни охраны, и каждый мог уйти, уехать, сбежать, ему ничто не угрожало. Макаренко коллектив и развивался свободно — не было образца и примера, а с инструкциями Макаренко обращался сурово. Свободное развитие сводных детей! Трудное, с конфликтами, эксцессами, бедами, но всё-таки свободное. Макаренко освобождал угнетённых беспризорщиной детей от страха перед жизнью, сверстниками, взрослыми, он давал им сладостное чувство доверия, без которого нет свободного человека, — доверия к взрослым, своим товарищам, своему труду, ко всей жизни доверие.

Коллектив — это цель и дисциплина, необходимая для достижения цели. Чем сильнее чувство цели у всех — тем меньше необходимости в дисциплинарных мерах. Цель макаренковского коллектива была предельно ясной: выжить! Выжить за свой счёт, своим трудом. Макаренко не ставил перед детьми цели воспитывать друг друга, он всегда повторял, что воспитание должно быть незаметным. Общей целью были хозяйство, завод, хозрасчёт. И это важно понять... Коллектив — это прекрасно, но у него нет сердца. Сердце бывает только у человека. Сердцем макаренковского коллектива был сам Макаренко. Он жалел, он любил детей, а когда надо было, защищал иных от коллективного бессердечия. Макаренко был великий педагог, он создал теорию и методики сердечного детского воспитания». Эта оценка педагогического смысла великого соотечественника С.Л. Соловейчиком объективна и справедлива. Макаренко умел и сам себя защищать. За каждым его словом ищи мысль, идею, событие, подсказ. Уникум Макаренко и сегодня помогает жить праведно. Труд, рождённый любовью и выполненный с любовью, приносит добрые плоды.

³ Шрейдер Ю.А. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. — М, 1990.

Некоторые мысли гениального практика в записную книжку: О новом обществе — «...по характеру человеческих взаимоотношений не только выше, но и сложнее, и тоньше старого общества». О новом человеке — «новое отношение к человеку, новая позиция человека в коллективе, новая о нём забота и новое внимание». О колонии им. Горького — «открытая детская коммуна, без заборов и сторожей». О воспитании — «Воспитательный процесс совершается не только в классе, а буквально на каждом квадратном метре нашей земли». О сиротстве — «Только тот, кто в детстве потерял семью, кто не унёс с собою в длинную жизнь никакого запаса тепла, тот хорошо знает, как иногда холодно становится на свете, только тот поймёт, как это дорогого стоит — забота и ласка большого человека, человека — богатого и щедрого сердцем». О парной педагогике — «...воспитатель может иметь некоторое значение, но и оно никоим образом не может характеризоваться только как влияние человека на человека». О себе — «За 30 лет работы в педагогике скопилось немало мыслей, наблюдений, предчувствий, анализов, синтезов». Прогнозы трудностей — «Теперь уже ясно, что чем более блестящи будут успехи колонии и коммуны, тем ярче будут вражда и ненависть ко мне и к моему делу».

Макаренко и современность

В конце 80-х годов, в канун 100-летия со дня рождения А.С. Макаренко, возникает дискуссия о нём и его педагогическом наследии, которая была вызвана появлением книги-гасквля Ю.П. Азарова «Не подняться тебе, старик», где автор призывает «перечитать Макаренко» — «по-настоящему талантливого педагога советского тоталитарного режима», называя его апологетом педагогики сталинизма. «Перестройщики» педагоги торжествовали по случаю своей победы, не взяв во внимание особенности времени: даже в условиях плюрализма мнений существует естественная черта между правдой и ложью, переступать которую безнравственно. Самая тяжёлая форма оскорбления — публичная. Профессор Азаров прагматично использовал эту форму в качестве пропагандиста парадоксальных взглядов, идей, установок на практические действия, дискредитируя правду и низвергая устоявшееся, традиционное. Поэтому и выпускает в свет новый объёмный трактат под

названием «Педагогика любви и свободы», где, собственно, 178 страниц книги посвящены сплошной злобе на А.С. Макаренко. Цель проста: потеснить «Педагогическую поэму», очернить автора. И, действительно, книги Макаренко после его большого юбилея не издавались в России пятнадцать лет. Показушный гуманизм, клевета и чёрная зависть с вызовом: «не подняться тебе, старик» не позволили доктору педагогики возвыситься на пьедестал почёта и признания, хотя так хотелось стать «великим». В 2003 году при непосредственном участии макаренковского центра в Москве появляется из печати книга без купюр, восстановленная по прижизненным изданиям и рукописи А.С. Макаренко «Педагогическая поэма».

По Макаренко педагогика — наука диалектическая, но при этом она же и сложная, и разнообразная, и подвижная из всех наук; не терпящая догм. А.С. Макаренко — блестящий педагог-диалектик, и его богатейший опыт свидетельствует о том, что процесс воспитания сплошь состоит из противоречий и конфликтов. Но искусство воспитательного действия как раз и направлено на то, чтобы эти противоречия, противоположения правильно преодолелись, а личное и общественное не противопоставлялось бы друг другу, а соответствующим образом гармонизировалось. Согласно Макаренко, гармония — это своего рода предпосылка человеческого счастья. Не учитывать всё это в педагогике как тогда, так и сегодня нельзя. Всё проверяется в опыте и подтверждается опытом, и любовь тоже. Вот что говорит по этому поводу и предлагает поразмышлять А.С. Макаренко: «Сколько десятков веков живут люди на земле, и вечно у них беспорядок в любви! Ромео и Джульета, Отелло и Дездемона, Онегин и Татьяна... Когда это кончится? Когда, наконец, на сердца влюблённых будут поставлены манометры, амперметры, вольтметры и автоматические быстро действующие огнетушители? Когда уже не нужно будет

стоять над ними и думать: повесится или не повесится». В унисон к выше сказанному предлагаю вашему вниманию некоторые мысли известного немецкого педагога Бернхарда Бюба, высказанные в интервью журналу «Шпигель»: Главные ценности нашего общества — справедливость, свобода, правда. И вторичные добродетели — послушание, пунктуальность, любовь к порядку... Когда вторичные ценности больше ничего не значат, это наносит обществу огромный ущерб. Происходит перекосято в сторону авторитарного стиля воспитания, то в сторону попустительства. В области педагогики немцы в течение последних 40 лет слишком большое место отвели любви. Оказалось, что её одной недостаточно. Теперь придётся опять обратиться к дисциплине.

Я сам долгое время считал, что для воспитания детей любовь важнее дисциплины. Я был приверженцем идеи, что детям нужно предоставлять максимально возможную свободу самоопределения, причём в максимально демократической среде без всякой иерархии. Опыт показал, что я был не прав, и мне пришлось не без труда расстаться с прежними иллюзиями. Я всё больше убеждался, что дисциплина — это основа воспитания. Дисциплина открывает двери к счастью, которое даёт человеку успешный результат... Дисциплина может оказать целительное воздействие на лишённых ориентиров детей, а таких сегодня очень много... К сожалению, в Германии тень Гитлера до сих пор мешает рассматривать дисциплину как нечто само собой разумеющееся. Однако будущее страны зависит от возвращения к дисциплине.

В интервью Бернхард Бюб затрагивает и другие аспекты современной педагогики, столь важные для восприятия воспитательной действительности:

- Дети должны признавать авторитеты и подчиняться им. Творческая работа с детьми оказывается в загоне, поскольку большинство ребят воспринимает своих учителей и родителей как аниматоров, которые в первую очередь должны их развлекать.
- Безусловное повиновение — выражение из языка каких-то извергов, оно абсолютно неприемлемо в педагогике. Но такие понятия, как послушание и боязнь наказания, не следу-

ет исключать из педагогического процесса... В основе либеральных взглядов на образование — повсеместная критика советского образа жизни в сопоставлении с западными моделями и ценностями. «Если бы мы попытались нарисовать сферу ценностей советской педагогики и наложить её на сферу ценностей педагогики западного общества, то, по всей вероятности, они совпали бы на 90—95%. Но кое-какие «несущественные» несовпадения всё-таки остались. Несовпадения определяются принципиально противоположным отношением к вопросу: кто «главнее» — личность или коллектив»⁴. И тогда всплывает образ Макаренко, «подаривший нашей стране метод тоталитарной педагогики». А раз так, то требовалось убрать Макаренко из педагогики, представить его в образе «трагической одинокой фигуры», «своеобразной советской педагогической Меккой», «некоем сверхруководителем, незаметно, но фатально и мощно влияющим на народные массы», «изобилует комплексом парадоксов, анализ которых способствует пониманию феномена успеха соединения несоединимости, а, именно, соединить принципиально несводимые понятия — коммунистический коллективизм и гуманизм. Но ему удалось достичь этого»⁵.

Что примечательно из выше представленного: немецкий педагог на основании длительного проверенного им самим опыта, не говоря ничего о Макаренко, приходит к выводам, что так явно отстаивал в педагогике наш великий соотечественник. Не воспринимайте меня сторонником авторитарных стилей в образовании. Я защищаю естественное в педагогике, потому что вырос на макаренковских традициях. И преклоняюсь перед той педагогикой, которая через искусство воспитания в лице воспитателя ведёт к преобразованию души человеческой, делает человека нравственным и счастливым. **НО**

⁴ Ермолин А.А. Как расколдовать «зомби». — М, 2004.

⁵ Кульневич С.В. Лакоценина Т.П. Воспитательная работа в современной школе: от коллективизма к взаимодействию. — Воронеж, 2006.